

Террор

Григорий Петрович Максимов

1937

Террор в России развивается с удивительной закономерностью. Большевики начали с расстрелов на месте преступления хулиганов и грабителей. Затем расстрелы были перенесены в подвалы бесчисленных чека. Расстреливали уже не только хулиганов и грабителей, но и мелких спекулянтов из рабочих и крестьян, мешочников, взяточников, преступников по должности. Одновременно с террором против уголовных, начали политический террор. Первыми жертвами политического террора были Шингарев и Кокошкин, кадеты-министры Временного правительства, затем расстрел эсеровской демонстрации за «учредилку», затем пришло первое убийство по суду: расстрел капитана Щастного, за то, что спс Балтийский флот. Со времени покушения Каплан на Ленина, убийства Урицкого и Володарского начался «классовый» террор. За покушение на Ленина расстреляли тысячи, при чём расстрелы производились сразу сотнями. Расстреливали не потому, что эти люди были причастны к покушению на Ленина или к убийству Урицкого и Володарского, а чтобы запугать: расстреливали бывших министров, помещиков, купцов, офицеров только потому, что они принадлежали к господствующему классу, и мелких преступников. Ленин и Троцкий требовали больше убийств и чека с трибуналами работали вовсю, чтобы сделать революцию „великой”: ведь „великие буржуазные революционеры Франции сделали свою революцию великой посредством террора», учил партию Ленин.

Рабски копируя этих „великих революционеров”, большевики последовательно уничтожали все политические группы партии в стране. Террор против контрреволюции, под которую большевики последовательно подводили всё новые и новые группы: капиталистические демократические элементы, социалисты-революционеры правые, социалисты-революционеры левые, анархисты, социал-демократы меньшевики, толстовцы и проч., в конце концов, привёл к полному, нераздельному и бесконтрольному господству одной партии, которая, что вполне естественно, начала делиться и дробиться на различные группы. В нормальных условиях партийной жизни ничего неестественного нет в существовании внутри партий расхождений и групп и идейной борьбы их между собой. Но в условиях существования русской коммунистической партии внутрипартийная борьба групп связана с вопросом власти групп и отдельных личностей в партии и стране, поэтому борьба неизбежно должна была обостриться и принять более острые и жестокие формы, чем борьба

большевиков против других партий. Известно, что борьба религиозных сект между собой более ожесточённая, чем борьба различных религий. Это оправдывается на большевистском примере: большевики не казнили столько членов других социалистических партий и анархических групп сколько собственных членов и при том самых влиятельных.

За убийство Кирова было расстреляно 49 по негласному «суду», 150 без всякого суда, сотни, а может быть и тысячи, пошли в тюрьмы и ссылку. По процессу Зиновьева-Каменева расстреляно 16; по процессу Пятакова-Радека-Сокольниково расстреляно 13 человек. Предстоит процесс Бухарина-Рыкова. Предела «контрреволюции» расширились и уже включают в себя и саму коммунистическую партию, кроме сталинской группы, которая, раньше или позже, но неизбежно, тоже будет включена в эти пределы какой-либо другой группой. Террор близок к логическому завершению: он уже уничтожает своих творцов и могущественных защитников.

Убивать членов других политических партий было легко: к этому привыкли в стране и за границей, мировое общественное мнение и мировая совесть бессильно склонили голову перед постоянными умопомрачающими политическими преступлениями нашей эпохи, ставшими бытовым явлением, на которое не реагируют. Но чтобы убить виднейших деятелей большевизма и революции, основателей и строителей партии, необходимо, дабы не возбудить против себя дома и за границей общественного мнения, выдвинуть такие обвинения, которые убедили бы или, по меньшей мере, разъединили бы домашнюю и мировую общественность, внесли бы в неё смуту и нерешительность.

И вот сфабриковали процесс Зиновьева-Каменева, выдвинув против них террористический заговор на жизнь Сталина и др. «вождей». Добились, путём пыток и эксплуатации их верности партии, «самопризнания», но в своём чрезмерном рвении обставить дело так, чтобы комар носа не подточил, приплели гостиницу «Бристоль» в Копенгагене, которая не существует, провалив тем самым в глазах общественного мнения так блестяще обставленный «процесс».

Процесс 17 поставили уже на другую почву. Помня слова Ленина, что революции становятся великими благодаря террору, припомнили, что французский террор был основан на ложных обвинениях в предательстве, измене, сношении с неприятелем и проч. Против 17-ти выдвинули обвинение в заговоре с Японией и Германией о разделе России, обвинении в связи с тайной полицией германского фашизма, обвинение во вредительстве, отравлении войск и в желании восстановить капитализм. Троцкий опять, как и в процессе Зиновьева-Каменева, был центральной фигурой обвинения. Процесс 17-ти был построен по схеме процесса 16-ти: самопризнание и самооговор — основа процесса. Но ретивые палачи опять допустили ряд грубейших попыток, которые вскрывают всю ложь обвинения и «самопризнания», вынужденного опытными ловцами душ из ГПУ: полёт Пятакова на аэроплане в Осло на свидание с Троцким оказался выдуманным; количество крушений за один год догнали до фантастической цифры: 3.500 крушений, т. е. почти по десяти крушений каждый день.

Замечательно, что кроме 17-ти подсудимых никого больше не поймали. Как же они могли сами, не имея обширной сети заговорщиков, совершить всё это? А если они имели таковую, то почему она не раскрыта? Свидание Ромма с Троцкими Булонском

лесу, оказалось второй гостиницей „Бристоль”. Никаких документов „суд” в своём распоряжении не имел. Всё это говорит за то, что происходит простая расправа со старыми большевиками и с большевизмом. Расправу производит не один Сталин, а новый класс, который потащит в подвал ГПУ и Сталина, — бюрократия, боящаяся большевистских призраков. Она уничтожает их, чтобы они не мешали и не надоедали ей, чтобы не пугали её детей в предрассветных сумерках её полного торжества. В этом смысл казней.

Вызывает удивление поведение 16-ти и 17-ти подсудимых. Чтобы разгадать эту загадку, выдвигают „русскую душу”, больных героев Достоевского и проч. мистическую белиберду. Дело обстоит очень просто. Подсудимые не революционеры, а крупные бюрократы и властелины которые находились у власти годы и годы. За двадцать лет господства партии, они потеряли все свои революционные качества. Они пришли на процесс не как революционеры, борцы против ненавистной системы, а как фрондирующие и интригующие сановники, для которых партия, как для опальных царских сановников монархизм, продолжает быть священной. Будучи ещё развращены властью и не чувствуя за собой тяжкого преступления, караемого смертью, они, в интересах личных, партии и международного коммунизма, разрушаемого Троцким, пошли на моральную сделку со своими палачами, несомненно, обещавшими им жизнь. От сановных большевиков революционной выдержанности и стойкости ожидать нельзя, когда их судит своя партия: это было бы грубейшим непониманием двадцатилетнего периода русской истории. Стойкость можно найти у рядовых и середняков партийцев, как Николаев.

Московские процессы и расстрелы — это естественное, логическое моральное и физическое разложение большевизма. Разложившийся труп скоро выбросят с отращением. После большевизма реакции быть не может, ибо реакция не сменяется реакцией. Скоро спадут красные цепи и трудовые массы облегчённо вздохнут энергично примутся за постройку истинного коммунизма на основе полной свободы и равенства. Час освобождения приближается, он ближе, чем многие думают...

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Григорий Петрович Максимов
Террор
1937

Дело труда, Nr. 96 / 1937

ru.anarchistlibraries.net